

мастера современной прозы

ХАНС КРИСТИАН БРАННЕР

Ханс Браннер

Корабль

Браннер Х. К.

Корабль / Х. К. Браннер —

Рассказы Ханса Кристиана Браннера, посвященные взаимоотношениям между мужчиной и женщиной и между взрослыми и детьми, создали писателю заслуженную славу мастера психологической новеллы.

Ханс Кристиан Браннер

Корабль

Отец умер, когда мне было двенадцать лет. Они много раз говорили с матерью, что надо бы ему лечь в больницу, но всякий раз что-нибудь мешало, не одно, так другое, то времени нет, то денег. По воскресеньям отец вообще не вставал с постели, да и по будням, приходя домой, сразу укладывался на диван в маленькой комнате и укрывал ноги одеялом. Потом он глубоко и с явным облегчением вздыхал, потому что лежать ему было удобно и хорошо. Обед ему подавали на подносе, а мы, дети, сидели в столовой все четверо и не смели ничего сказать, хотя и не понимали, почему отец вечно лежит только из-за того, что у него болит живот. Это мать нам так объяснила, когда мы спросили: у него боли в желудке. Объяснение показалось нам смешным, помнится, мы про себя решили, что отец нарочно выдумал свою болезнь, чтобы побольше лежать и поменьше работать. По утрам он вставал с трудом, а перед тем как встать, долго лежал на спине, совсем тихо, и глядел в окно. Едва ли он много чего там видел, он был очень близорукий, а его пенсне лежало на тумбочке возле постели. Когда он снимал пенсне, мы, дети, старались не смотреть ему в глаза, они у него были такие подслеповатые и с красными веками. И все же, как я теперь припоминаю, он провел не одно утро, лежа и глядя в окно. Мать обычно поднималась в шесть, чтобы прибраться, после восьми она заходила в спальню, на ней был большой фартук, и она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– Вильхельм, я только хотела спросить: ты собираешься вставать или останешься в постели? А то, если ты сейчас же не поднимешься, тебе уже не поспеть в контору.

Отец всегда послушно вставал, но одевался долго-долго, а мы, дети, знали эту уловку по собственному опыту, мы так же вели себя, когда не хотели идти в школу. Хотя вообще-то смешно, если так ведет себя взрослый человек. А может, мы чувствовали отношение матери, хотя она никогда не говорила с нами ни об отце, ни о его болезни.

Заболел он осенью, в ту пору, когда рано темнеет, и в сумерках мы четверо иногда заходили к нему и сидели, пока не зажгут лампу. Он любил расспрашивать, как у нас дела в школе и чем мы вообще занимаемся. Мы же терпеть не могли об этом рассказывать. А от того, что он все время силился погладить нас и говорил торжественным тоном, нам легче не становилось. Голос у него то и дело срывался, словно он вот-вот заплачет. Мы знали, что это вполне может случиться, он уже не раз плакал при нас. Поэтому мы держались с ним боязливо и настороженно, почти ничего не говорили и мечтали только об одном: как бы поскорей уйти. И все же я хорошо помню, как мы сидели в сумерках перед постелью отца, как лицо и руки у него постепенно делались совсем белые, а все предметы в комнате – серые, неясные и под конец сливались воедино с наступавшей темнотой.

Однажды, воротясь домой из школы, мы увидели на дверях записку, что отец с матерью поехали в больницу и чтоб мы шли к тетке и остались у нее. Мы очень обрадовались этой записке: почти всякий раз, когда будни выбивались из привычной колеи, мы воспринимали это как праздник. Еще я помню, что тетка напекла нам блинов, что мать так и не пришла и что мы заночевали у тетки. Она уложила всех четверых в одной комнате, мы разговаривали и смеялись в темноте и заснули гораздо позже обычного. А на другой день мы не пошли в школу, и тетка прямо с утра отвезла нас всех четверых на машине в больницу. Мы первый раз ехали в автомобиле, мы во все тыкали пальцами, кричали и ерзали на сиденьях. Но в больнице мы сразу притихли от странного запаха, длинных-предлинных коридоров и от того, что все кругом такое белое. Мы старались держаться поближе друг к другу, боязливо стискивая в руках шапки.

Мы вошли в большую комнату, где вместе с другими людьми лежал отец. Все лежали на белых железных кроватях под красными одеялами. Я испугался и оцепенел от ужаса при виде красных одеял, я решил, что красное – это кровь, что люди просто истекают кровью под своими одеялами. Матери там не было, а отца мы увидели не сразу, но под конец все-таки увидели и подошли к окну, возле которого стояла его кровать. Прижавшись друг к другу, мы остановились чуть поодаль, тетка же прошла вперед и наклонилась к нему, а немного спустя он чуть оторвал голову от подушки, заулыбался, закивал, и тогда мы осторожно подошли поближе и обступили кроваво-красное одеяло. Оно гладко стелилось по кровати, словно под ним не было никакого тела, а нос у отца вдруг стал большой-пребольшой, а рот – длинный-предлинный, и губы обтягивали его так плотно, что, даже когда рот был закрыт, сквозь них все равно проступали зубы. Отец пытался что-то сказать, но со страху мы ничего не разобрали, и тогда он замолчал и только молча улыбался. Но его улыбка тоже пугала нас, потому что зубы у него стали куда длинней, чем раньше, и напоминали лошадиные. Нам не терпелось поскорей уйти. Его рука выползла из-под одеяла и начала что-то искать. Пришлось нам, каждому по очереди, подойти и пожать ее. Но я даже не помню, как пожимал, потому что вообще ничего не чувствовал от страха. Голос к отцу вернулся, и он начал бормотать что-то невнятное, насколько я мог разобрать, он бубнил свое обычное: как у нас когда-нибудь все будет хорошо, и про дом, который у нас будет на берегу Фуресё, и про парусную лодку, и про козлика для меня. Он столько раз нам все это обещал, но мы давно уже перестали его слушать, мы уже знали, что ничего этого не будет. Покуда он так бормотал, глаза у него сами собой закрылись, потом и рот закрылся, и под губами выступили очертания зубов. Тетка поспешила нас увести. Но отец, должно быть, все-таки заметил, как мы уходим, потому что у самой двери мы увидели, как он снова оторвал голову от подушки и начал кивать нам и улыбаться, скаля длинные зубы.

А к концу дня отец умер. Узнали мы об этом лишь назавтра и сразу притихли и как-то смутились. До сих пор мы, честно говоря, думали, что он преувеличивает свою болезнь, да и как вообще можно умереть от того, что у тебя болит живот? Нам объяснили, что это называется рак. Целую неделю мы прожили в доме у дяди, за городом, нам даже разрешили не ходить в школу, но на душе у нас было как-то беспокойно, и мы старались держаться поближе друг к другу из-за этой страшной болезни, которая называется рак. Мы стояли все четверо в уголке сада и говорили о ней, а сестра подняла с земли яблоко и показала на нем твердое коричневое пятно, она думала, что это и есть рак. А у человека может быть внутри такое затвердение? Наверно, оно бывает у того, кто ест много яблок? Нет, не то, и мы отшвырнули яблоко, потому что все равно ничего не поняли.

Впрочем, мы скоро забыли про отца и про то, как он умер: слишком много нового произошло за эти дни. Дядя всем нам справил новое платье и новые ботинки, брат получил вдобавок велосипед, а я козла на колесиках. Мы понимали, что нам дарят все это, потому что у нас умер отец. Когда отец был жив, он много раз обещал купить мне живого козлика, но так и не выполнил свое обещание, а когда он умер, я получил козла на колесиках; у козла была настоящая шерсть, и настоящие рога, и настоящие желтые глаза, и в каждом глазу – по черной полоске. Я хорошо помню все подробности, я помню, как проснулся в первое утро и увидел, что он стоит на привязи подле моей постели. Вот что было для меня важнее всего, важнее, чем смерть отца. И желтые козлиные глаза я до сих пор помню куда лучше, чем глаза родного отца. А какие у него были глаза? Я хорошо помню стекла пенсне, которые сверкали и отражали свет, но, когда отец снимал его, я пугался при виде этих подслеповатых глаз с красными веками. Да и вообще я только в последнее время начал по-настоящему вспоминать отца: на рассвете я лежу порой без сна и пытаюсь представить себе, каким же он все-таки был. Я делаю это отчасти против воли и, может быть, несколько преувеличиваю. Утренние часы – не лучшее время для воспоминаний.

Мой отец был из породы неудачников. Лишь теперь, став взрослым, я могу понять, что в жизни у него с самого начала все шло наперекосяк. В молодости он мечтал стать моряком, но спустя год или два мой дед заставил его расстаться с морем и пустил по таможенной части. Когда же отец женился, моя мать при активном содействии своей родни заставила отца бросить таможду и вложить деньги в собственное дело. Дело это заключалось в снабжении судов провиантом, для чего у отца был в гавани оборудован склад, и, когда приходили иностранные суда, он выезжал им навстречу и продавал припасы. Я тогда был еще совсем маленький. Жили мы на Хавнегаде в большой квартире с длинными белыми кружевными гардинами и старинной мебелью красного дерева – мать принесла эту мебель в приданое, когда-то она стояла в доме у ее родителей. Отец поджидал корабли, держал при себе списки всех кораблей, о кораблях ему докладывали по телефону, мне кажется, что отец был готов в любую минуту надеть форму, чтобы затем подняться на борт. Форма у него была не настоящая капитанская, он ведь и не дослужился до капитана, но пуговицы с якорем на синем сукне и фуражка-капитанка делали ее похожей на капитанскую. Отец уходил в своей форме, потом возвращался, что-то записывая, хлопотал над своими списками и таблицами. Вот только хлопоты, возможно, были пустые, почем мне знать, хотя все время казалось, будто мы стоим на пороге важных событий: вот он побывал на одном корабле, вот он с уверенностью предсказывает сделку с другим и третьим. Мать, судя по всему, не желала вместе с ним пересчитывать его корабли, и, когда он, сидя за столом, заводил о них речь, мать иногда резко обрывала его замечанием, что лучше бы он не брал столько мяса. Отец поспешно перекладывал уже взятый кусок обратно на блюдо, и на лице у него появлялось какое-то странное выражение. Вообще лицо у него было большое, темное, все в глубоких морщинах и складках, потому что он вечно гримасничал, а тут складки вдруг становились глубже и словно обвисали, и в глазах, когда он клал мясо обратно, вспыхивал испуг. Он больше не рассказывал про корабли, и все мы какое-то время сидели молча, а моя старшая сестра прямо вся багровела, и казалось, она вот-вот фыркнет. Но, конечно, не фыркала, она боялась матери. Мало-помалу и мы трое пришли к выводу, что, когда отец, гримасничая, с торжественным видом рассказывает про свои корабли или когда мать вдруг скажет что-нибудь такое, от чего отец того и гляди расплечется, это очень смешно. Мы не понимали, что обидного в ее словах, но однажды он встал из-за стола и ушел в другую комнату; его тарелка с вилок и с едой так и осталась на столе, а вот салфетку он зажал в руке, и мы представляли себе, как он там сидит, прижимая салфетку к глазам. Мать продолжала есть как ни в чем не бывало, но мы четверо только потому и удерживались от смеха, что избегали глядеть друг на друга. Вот какой был у меня отец, на редкость мягкий и несдержанный. Мы никогда не могли угадать, с чего он вдруг зальется слезами или впадет в торжественный тон. Мог он также громко рассмеяться, когда мы не находили ни малейшего повода для смеха, а мог и вспылить без всякой видимой причины и задать нам взбучку. Он ни разу никого из нас не ударил больно, но потом всякий раз так бурно раскаивался и сажал нас на колени, что это было еще хуже, чем побои. Мы и смеялись над отцовскими кораблями, гримасами, чувствительностью, и немного стыдились его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.